

Научная статья

DOI: 10.15393/j9.art.2024.14083

EDN: TMKSXK

Функция постоянных эпитетов в поэтике былины

И. П. Черноусова

Липецкий государственный педагогический университет

им. П. П. Семенова-Тян-Шанского

(г. Липецк, Российская Федерация)

e-mail: ira.chernousova2010@yandex.ru

Аннотация. В статье проанализированы постоянные эпитеты, используемые в былинах, и определена их функция в создании былинной картины мира — идеального, эстетически преобразованного варианта действительности. Изучение постоянных эпитетов, в которых аккумулированы народные идеалы и ценности, отобранные и отшлифованные длительной фольклорной традицией, позволяет узнать, о чем думал русский народ, как он характеризовал и оценивал человека, предметы и явления окружающего мира с точки зрения их совершенства. Выявленные традиционные смыслы высказываний с постоянными эпитетами, представляющие идеальное соответствие предмета и его признака норме в былинной картине мира, участвуют в создании образа Родины, ее защитников и всей предметно-образной системы «своего» эпического мира. Например, устойчивыми словосочетаниями «земля святорусская, вера православная/христианская, церкви Божьи/соборные/Господни, монастыри спасенные, кресты животворящие» создан образ Святой Руси; в цепочках постоянных эпитетов «удалый дородный добрый молодец» и «сильные святорусские могучие богатыри» выразилась совокупность физических и нравственных качеств, которыми должен обладать защитник родной земли, воспетый в эпосе; «почестный пир» означает пир, на котором воздаются почести богатырям за их победы. Постоянные эпитеты «славный, великий, красный», часто употребляемые для характеристики ойконимов, указывают на их известность, величие и красоту, способствуют прославлению и воспеванию русских городов, олицетворяющих Русскую землю. Традиционные культурные смыслы (концепты), являющиеся компонентами фольклорного знания, становясь содержательными константами былинной картины мира, претерпевают трансформацию. Например, шляпа/шапка/колпак земли греческой — чудодейственный предмет, заменяющий боевое оружие, с помощью которого богатырь одерживает победу над врагом. Предложенный подход в изучении постоянных эпитетов, учитывающий ментальное бытие устно-поэтических констант и отношение к фольклору как мировоззренческому феномену, способствует пониманию русского былинного эпоса.

Ключевые слова: фольклор, былина, поэтика жанра, постоянный эпитет, типы эпитетов, формула, концепт, концептосфера, былинная картина мира

Для цитирования: Черноусова И. П. Роль постоянных эпитетов в поэтике былины // Проблемы исторической поэтики. 2024. Т. 22. № 3. С. 7–25. DOI: 10.15393/j9.art.2024.14083. EDN: TMKSXK

Original article

DOI: 10.15393/j9.art.2024.14083

EDN: TMKSXK

The Function of Constant Epithets in the Poetics of the Bylina

Irina P. Chernousova

*Lipetsk State Pedagogical University
Named After P. P. Semenov-Tyan-Shansky
(Lipetsk, Russian Federation)*

e-mail: ira.chernousova2010@yandex.ru

Abstract. The article analyses constant epithets in the poetics of the bylina and determines their function in the creation of an epic worldview as an ideal, aesthetically transformed version of reality. The study of constant epithets, which accumulate folk ideals and values selected and polished by the longtime folklore tradition, made it possible to discover what the Russians think about, how they characterise and assess people, objects and phenomena of the surrounding world in terms of their perfection. The identified traditional meanings of statements with constant epithets, which demonstrate the ideal correspondence of an object and its characteristic to the norm in the epic worldview, participate in shaping the images of the Motherland, its defenders and the entire representational system of “one’s” epic world. For example, the set phrases “the land of Holy Russia,” “Orthodox/Christian faith,” “God’s/cathedral/ the Lord’s churches,” “saved monasteries,” “life-giving crosses” create the image of Holy Rus’; the series of the constant epithets “daring, portly, good youth” and “strong mighty bohatyrs of the Holy Rus” express the totality of physical and moral qualities that the defender of his native land, glorified in the epic, should possess; an “honouring feast” means a feast at which heroes are honored for their victories. The constant epithets “glorious,” “great,” “fair” that are often used to characterise oikonyms, indicating their fame, greatness and beauty, contribute to the celebration and glorification of Russian cities that embody the Russian land. Traditional cultural meanings (concepts), which are part of the folklore undergo a transformation, becoming meaningful constants of the epic picture of the world. For example, a hat/cap of the Greek land is a wonder-working object that functions as a military weapon, used by a bohatyr to defeat the enemy. The proposed approach to the study of constant epithets, which considers the mental existence of oral poetic invariables and the attitude to folklore as a worldview phenomenon, contributes to a better comprehension of the Russian epic.

Keywords: folklore, bylina, genre poetics, constant epithet, types of epithets, formula, concepts, conceptual sphere, epic tale worldview

For citation: Chernousova I. P. The Function of Constant Epithets in the Poetics of the Bylina. In: *Problemy istoricheskoy poetiki* [The Problems of Historical Poetics], 2024, vol. 22, no. 3, pp. 7–25. DOI: 10.15393/j9.art.2024.14083. EDN: TMKSXX (In Russ.)

Постоянный характер фольклорного эпитета определяется длительной традицией его формирования: за точностью эпитетов лежат «тысячелетия выработки и отбора» [Веселовский: 64]. Ф. И. Буслаев сравнивал речения с постоянными эпитетами с «заветной иконой», уподоблял их «типам греческих божеств, которые, однажды создавшись, никогда не изменялись, потому что грек не находил уже другого лучшего и приличнейшего образа для олицетворения Юноны или Зевса» [Буслаев: 285–286], а также считал полезным «собрать все постоянные эпитеты для того, чтобы определить, в какие предметы преимущественно вдумывался русский человек и какие понятия присоединял к оным» [Буслаев: 286].

Исследованием фольклорных эпитетов занимались многие ученые: А. Н. Веселовский, Ф. И. Буслаев, А. А. Потебня, В. А. Воскресенский, П. Д. Первов, А. П. Евгеньева, Фр. Миклошич, В. Я. Пропп, Ф. М. Селиванов, П. Д. Ухов, С. Е. Никитина¹ и др., рассматривавшие их с генетической, исторической, лингвистической точек зрения, в системе фольклорного текста, но без учета ментального бытия устно-поэтических констант — того, что составляет эпическое, фольклорное знание.

Мы предлагаем при изучении постоянных эпитетов учитывать связь с русской эпической традицией: выражаемые постоянными эпитетами традиционные культурные смыслы, являющиеся содержательными константами былинной картины мира, существуют объективно в поэтике традиции и в сознании народного мастера, являясь концептами — ментальной структурой хранения в традиционной эпической памяти. Доказательством этому служит употребление этих эпитетов и в других жанрах фольклора.

¹ См.: [Веселовский], [Буслаев: 285–287], [Потебня: 211–215], [Воскресенский], [Первов], [Евгеньева: 306, 313–316], [Миклошич: 219–227], [Ухов], [Пропп: 524–531], [Селиванов, 1977, 2009], [Никитина: 66–71, 104–144].

Традиционные смыслы, содержащиеся в словосочетаниях с постоянными эпитетами, становясь элементами поэтической системы былины, выражают «реалии» былинного универсума и в связи с этим обогащаются новым, в том числе аксиологическим значением, которое обусловлено последовательно проведенным делением былинного универсума на два полярных мира — «свой» и «чужой», сформированным в зависимости от отношения к Русской земле, Святой Руси. Наличие у постоянных эпитетов традиционных значений связывает их и весь былинный текст с миром традиционных ценностей и идеалов.

Характерное для русского фольклора описание мира как идеальной нормы, стабильного образца достигается во многом благодаря постоянным эпитетам: «Предметы и люди рисуются такими, какими они должны быть в идеале» [Пропп: 528].

Существуют различные взаимодополняющие друг друга классификации постоянных эпитетов, предложенные А. Н. Веселовским, П. Д. Первовым, П. Д. Уховым, В. Я. Проппом, Ф. М. Селивановым² и др.

А. Н. Веселовский выделяет тавтологические и пояснительные эпитеты. В основе последних — «какой-нибудь один признак, либо 1) считающийся существенным в предмете, либо 2) характеризующий его по отношению к практической цели и идеальному совершенству» [Веселовский: 59].

К тавтологическим относятся те эпитеты, которые подчеркивают признак, входящий в понятие предмета и усиливающий значение характеризуемого объекта: *красна девица, красно солнце, светел месяц, часты звезды, луна поднебесная, белый свет, белый снег, туча темная, горы высокие, светлица светлая, темница темная, святыня святая*.

Пояснительные эпитеты выделяют в предмете его существенный признак: *травы шелковые, цветы лазоревые, дуб сырой, поле чистое, соболев черный/сибирский, сокол ясный/заморский, калики перехожие/перебродные, купцы/гости торговые, поленица преудалая, вдова честна/многообразная, гонимые скорые, брат крестовый/названный, батюшка крестный, дружин(-ушк-)а хоробрая, кресты животворящие, дорога прямоезжая, улица*

² См.: [Веселовский: 59], [Первов], [Ухов: 162], [Пропп: 525–529], [Селиванов, 1977: 106–116].

*широкая, переулочки мелкие, конюшни стоялые, скатерти браные*³. К этой же группе относятся цветочные эпитеты: *море синее, сад зеленый, волк серый, соболев черный, лебеди белые, коса русая, кудри желтые*.

Среди пояснительных эпитетов А. Н. Веселовский особенно выделяет эпитет-метафору и синкретический [Веселовский: 61].

Метафорический эпитет «предполагает параллелизм впечатлений, их сравнение и логический вывод уравнивания» [Веселовский: 61]. Он обозначает признак, перенесенный на определяемый предмет с другого предмета на основании какого-либо сходства: *еств(-ушк-)а сахарные — уста сахарные, зеленый сад — зелен сафьян — зелено вино, буйные ветры — буйная голова*.

К пояснительным синкретическим А. Н. Веселовский относит постоянные эпитеты, отвечающие «слитности чувственных восприятий» [Веселовский: 62]. Они «характеризуют предмет практически и эстетически с точки зрения его идеального совершенства» [Селиванов, 1977: 111]: *стола (лавки, скамьи, сходы) белодубовые, замки заморские/крепкие, золота казна несчетная, красно золото, чисто серебро, каменья драгоценные/самоцветные, жемчуг скатный, злат венец, перстень золотой (злачен), шляпа пуховая, платок шелковый, платье цветное, рубашка тонкая/мягкая, стрела каленая, сабля вострая, булатный нож, палица боевая, трубочка подзорная, бурзамецкое⁴/мурзамецкое⁵ копье (вострое), сошка кленовая, шелк шемаханский⁶/заморский, шемахинская плетка шелковая/цветная, черкальское⁷/черкасское седельшко (седло), сапоги/*

³ Узорчатые, вытканые или вышитые узорами (Словарь совр. рус. лит. языка: в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. Т. 1. Стлб. 605). Здесь и далее выделение полужирным шрифтом принадлежит автору статьи.

⁴ Бурзамецкий — языческий (Фасмер М. Этимолог. словарь рус. языка: в 4 т. М.: Астрель, АСТ, 1987. Т. 1. С. 244). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения Фасмер и указанием тома и страницы в круглых скобках.

⁵ Мурзамецкий — басурманский; татарский (Фасмер; т. 3: 12).

⁶ Производное от названия города Шемаха в Азербайджане, известного своим шелководством (Фасмер; т. 4: 427).

⁷ Черкальский — черкесский; от черкасы, черкэсы (Фасмер; т. 4: 343).

чоботы **зелен сафьян**, стул/сумки (подсумок) **рыта**⁸ **бархата**, сумки **переметные**, ярлыки **скорописчатые**, паруса **белополотняные**, товары **заморские**, шуба **черных соболей/кунья** и др.

К классификации А. Н. Веселовского считаем необходимым добавить группу эпитетов, которые В. Я. Пропп называет оценочными, выражающими отношение народа к характеризваемым реалиям [Пропп: 528].

Оценочные эпитеты употребляются с абстрактными и обобщающими понятиями, связанными с проявлением жизнедеятельности народа, государства, с помощью эпитетов метафорически придаются такие качества, как весомость (*грех **тяжкий***, *заповедь **великая***, *служба **великая/немаленькая/тяжелая***, *слава **великая***, *велик заклад*, *сила **могучая/богатырская/молодецкая***) и прочность (*дума **крепкая***, *сон **крепкий***).

Оппозиция «свой» — «чужой», реализуемая в былинной картине мира на этнически-религиозном уровне и преломленная в ценностном плане, обуславливает четкое противопоставление защитников родной земли и захватчиков, русских и иноземцев, христиан и иноверцев. Постоянные эпитеты, характеризующие свою родину — Русь и чужие государства, являются оценочными. Постоянство эпитета свидетельствует не только о постоянстве представления, стоящего за этим эпитетом, но и о постоянном характере его связи с определяемым предметом. Так, Святая Русь и без эпитета является «святой», то есть включенной в систему смысловых связей, отражаемую данным эпитетом⁹. Святая Русь — понятие не только этническое, но и этическое.

В былинной картине мира образ Святой Руси представлен эпитетами, содержащими христианские элементы (*земля **святорусская***, *вера **православная/христианская***, *церкви **Божьи/соборные/Господни/богомольные***, *монастыри **спасенные***, *кресты **животворящие***), и имеет дополнительный концептуальный нюанс — это Родина, которую необходимо защищать от нападения:

⁸ Тисненный бархат; первоначально — с вырытым (выдавленным по ткани) узором; *рыть* (Фасмер; т. 3: 531).

⁹ О связи концептов 'свет' и 'святой' в народной этимологии и допустимости их синонимической замены в устно-поэтической речи см. подробнее: [Шестеркина] (указано А. М. Дундуковой).

«Вы постоите-тко за **веру** за отечество,
Вы постоите-тко за славный стольный Киев град,
Вы постоите-тко за **церквы** ты за **божи**,
Вы поберегите-тко князя Владимира
И со той Опраксой королевичной!»¹⁰;
«Постою-ту я за **вьру** православную,
Постою я за **Божьи** **церквы** **соборныя**,
За **соборныя** **цёрквы** **богомольня**,
Постою я за **манастыри** **спасёныя**,
Постою-ту за сиротъ, за вдовъ за бѣдныхъ»¹¹.

В былине Святая Русь противопоставлена чужим враждебным государствам, характеризваемым эпитетами с ярко выраженной негативной оценкой: **Золотая Орда темная, чужая, неверная, немирная, поганая, татарская; Литва проклятая, поганая.**

Эти эпитеты усиливают противопоставление «своего» мира, Святой Руси, залитого светом, — «чужому» миру, этнически и хтонически чуждому и враждебному. При характеристике врагов в подавляющем большинстве случаев используется отрицательный оценочный эпитет *поганый* (*татары поганые*), в котором совмещаются такие значения, как «чужой, вражеский, неправославный и неверный», поэтому «с образом врага связана мысль о поругании христианских святынь» [Климас: 15].

Олицетворением Русской земли и Святой Руси являются русские города, характеризуемые в былинной картине мира оценочными постоянными эпитетами *славный, великий* и *красен*, являющимися носителями и проводниками таких традиционных культурных смыслов, как известность, величие и красота.

Оценочный эпитет *славный*, обозначающий совокупность тех качеств общественного порядка, которые влекут за собой всенародное признание, славу, по отношению к городам указывает на их известность: **славный** **стольный Киев-град, во славном городе во Киеве, славная** **каменная Москва** (также

¹⁰ Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 г.: в 3 т. 4-е изд. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 2. № 75. С. 25. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Гильфердинг*, указанием тома, страницы и номера в круглых скобках.

¹¹ Беломорские былины, записанные А. Марковым / с предисл. проф. В. Ф. Миллера. М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1901. № 3, С. 48.

Новгород, Астрахань, Волынец, Галич, Муром, Рига, Ростов, Рязань, Тверь, Туринец, Леденец и др.). Киев имеет также пояснительный эпитет *стольный*, подчеркивающий его историко-государственный статус; Новгород — оценочный эпитет *великий*, свидетельствующий о его величии; Киев, Ростов, Галич и др. — оценочный эпитет *красен*¹², говорящий о красоте этих городов (см.: [Селиванов, 2009: 272]).

В былинной картине мира устройство города (*стена городовая*, башни *наугольные/угловые*, церкви *Божьи/соборные/Господни*, монастыри *спасенные*, улица *широкая*, переулочки *мелкие*), двор (*широкий двор на семи верстах*, ворота *широкие/решетчатые/валящатые*¹³), жилые строения (*грядни(цы) светлые*, терема *златоверх-ие(-оваты)/высокие*, палаты *высокие/княженецкие/белокаменные*) и помещения в них (*сени новые/косящатые/решетчатые*, погреба *глубокие*, крыльцо *красное*) изображены с помощью постоянных эпитетов такими, какими они должны быть в идеале.

*«Широкий двор на семи верстах,
И около заборы позолочены»* (Гильфердинг; т. 2: 679, № 180);

*«Три терема златоверховаты,
Да трои сени косящетыя,
Да трои сени решетчетыя»*¹⁴.

Постоянные эпитеты участвуют в создании образов богатырей, князя Владимира и других представителей «своего» мира. Для характеристики врагов Русской земли постоянные эпитеты используются редко: эпитет-метафора *собака царь*

¹² Здесь в первоначальном значении: «красивый» (Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимолог. словарь рус. языка. 2-е изд., испр. и доп. М.: Просвещение, 1971. С. 219). Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Шанский* и указанием страницы в круглых скобках.

¹³ 1) Массивные; крепкие, прочные; 2) изящные, искусно сделанные, обработанные; резные (Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Сороколетова. Л.: Наука, 1969. Вып. 4. С. 33, 34).

¹⁴ Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / подгот. изд. А. П. Евгеньева, Б. Н. Путилов. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. № 1. С. 12. (Сер.: Лит. памятники.) Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Кириша Данилов* и указанием номера и страницы в круглых скобках.

Калин употребляют «не только враги, но и его собственный посол в речи, которую он держит к князю Владимиру» [Веселовский: 66]. Исследователь называет это явление *окаменением*, когда происходит «забвение реального смысла эпитета» [Веселовский: 65].

При описании богатырей с целью большей конкретизации защитника Русской земли употребляются атрибутивные цепочки (два и более) пояснительных и оценочных эпитетов, совокупность которых выражает взаимосвязанные дифференциальные признаки, позволяющие создать полное представление о былинном образе: *удалый (удаленький) дородный добрый*¹⁵ *молодец, сильные святорусские могучие богатыри*.

Такие сочетания с постоянными эпитетами представляют собой образно-смысловую целостность, не сводимую к сумме составляющих. Их семантика в поэтике былины — сложное синкретическое единство традиционных смыслов. В цепочках постоянных эпитетов, характеризующих богатырей, выразилась совокупность всех тех качеств, которыми должен обладать защитник Русской земли, Святой Руси, воспетый в эпосе: удалю, здоровьем, силой, храбростью и смелостью. В том, что «героем былины всегда является "русак", русский человек», который ездит по русской земле, защищает ее и русский народ, сказывается, как отмечал А. П. Скафтымов, «национальная тенденция» [Скафтымов: 94].

«— Ай же, удаленькій дородній добрый молодець,

— Славный богатырь свято-русский!»¹⁶;

«Сильни рускии могучие богатыря!» (Гильфердинг; т. 2: 60, № 79; 68, № 80).

Большинство эпитетов, характеризующих богатыря, являются пояснительными, содержащими метафору: *голова буйная* указывает на беспокойный характер мыслей, *ноги резвые* —

¹⁵ Здесь в первоначальном значении: «подходящий, соответствующий», то есть годный к воинскому подвигу (Шанский: 127).

¹⁶ Песни, собранные П. Н. Рыбниковым: в 3 т. / под ред. А. Е. Грузинского; с портрет., биографией и указателем. 2-е изд. М.: Сотрудник школ, 1909. Т. 1. № 4. С. 15. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте статьи с использованием сокращения *Рыбников* и указанием тома, номера и страницы в круглых скобках.

на быстроту, *сердце ретивое* имеет значение «сердце, быстрое на отклик», *кровь горячая* свидетельствует о пылкости, способности к сильным чувствам, *плечи могутные* — о большой физической силе.

Пояснительные и оценочные эпитеты, описывающие былинного князя Владимира (князь *стольно-киевский, славный, ласковый, Красное Солнышко*), передают взаимосвязанные дифференциальные признаки: «служебно-государственный статус, огромную роль в истории государства (крещение Руси), а также оценку личных качеств» [Петенева: 76]. Самым распространенным является солярный эпитет-приложение *Красное Солнышко*, который, по мнению Б. А. Рыбакова, был унаследован из древней языческой поэзии и отражает отношение к киевскому князю как к наследнику языческого бога солнца Дажьбога [Рыбаков: 450]. Метафорическое сближение князя с солнцем свидетельствует о народной любви к нему.

«Ласково со(л)нце Владимир-князь!» (Кириша Данилов: 136, № 21);

«— Здравствуй, *солнышко* Владимир *стольно-киевской!*

Со своей было княгиною!

Спрашивают Владимир *стольно-киевской:*

— Ты откуда, *удалый доброй молодец,*

А коей земли, коей орды,

Как ты именем зовут,

Как ты нарекают по отечеству?» (Гильфердинг; т. 1: 115, № 3).

Образ невесты-красавицы описывается с помощью цветowych и светового эпитетов, входящих в фольклорную формулу красоты: *оч(-ушк-)и ясные*, как у *ясна* сокола, *бров(-ушк-)и черные*, как у *черна* соболя, *лицо белое*, как *белый* снег, *личико/ягодницы/щечки маков* цвет. Черты внешности, запечатленные в формуле красоты, выглядят идеализированными: чернота бровей подчеркивается употреблением главной эталонной реалии с помощью сравнения с черными соболями, очи сравниваются с глазами сокола. В динамическом и речевом портрете красавицы также используются сравнения с цветовыми эпитетами:

«— У ей очи-то были бы *ясна* сокола,

— У ей брови-то были *черна* соболя,

— Рть-пословица умильная

- Будто **бѣлыя лебеди** пролетныя,
- У ей лицо-то будто **бѣлый снѣгъ**,
- У ей ягодницы будто **маковъ цвѣтъ**,
- Походка будто **лани златорогія**.
- Не видалъ я другой такой на семъ свѣтъъ»
(Рыбников; т. 2: 557–558, № 183).

Возможность использования одного определения при характеристике разных реалий былинного универсума связана с историей развития эпитета: свет **белый** — тавтологический эпитет, «в сущности тождесловие, ибо и прилагательное и существительное выражают одну и ту же идею света, блеска, причем в их сопоставлении могло и не выражаться сознание их древнего содержательного тождества. <...> Белизна лебеди, например, может быть названа ее существенным признаком...» [Веселовский: 59–60]: лебеди **белые**, снег также **белый**; «белый день, лебедь белая — реальны, но понятие света как чего-то желанного обобщилось...» [Веселовский: 67]. Так появилось значение эпитета **белый** — универсальный знак положительного: *лицо белое, грудь белая, руки белые, шатры белые*, также в составе сложных эпитетов, состоящих из двух корней: *палаты белокаменные, столы (лавки, скамьи, сходенки) белодубовые, паруса белополотняные, пишено белоярово*. Значение фольклорного эпитета **белый** совпадает с древнейшим значением этого слова¹⁷. В былинной картине мира белый цвет, символизирующий чистоту, красоту, свет, радость, противопоставляется темному, черному, символизирующему несчастья, горе, печаль: *туча темная* (угроза, нависшая над родной землей), *вороны черные* (враги).

Традиционные культурные смыслы (концепты), становясь элементами былинной картины мира, претерпевают трансформацию в поэтике былины. Например, первоначальное значение словосочетания с постоянным эпитетом *шляпа/шапка/колпак земли греческой* — «монашеский головной убор, имевший форму капюшона или колокола» [Пропп: 192], который в былинах носят калики перехожие. Впоследствии исконное значение изменилось: этот чудесный предмет стал

¹⁷ Общеслав., индоевр. характера, от индоевр. bhā — «светить, сиять, блестеть» (Шанский: 41).

обозначать боевое оружие, с помощью которого Добрыня одерживает победу над змеем/змеей, а Илья Муромец — над Идолищем:

«Столько увидал молоденькой Добрынюшка,
 Да й на крутом да он на береги
 То лежит **колпак да земли греческой**;
 Ён берёт-то тот колпак да во белы ручки,
 Он со тою ли досадушки великою
 Да ударил он змеинища Горынища.
 Еще пала-то змея да на сырѹ землю,
 На сыру-то землю пала во ковыль траву»
 (Гильфердинг; т. 2: 58, № 79);
 «У Ильи Муромца разгорѣлось сердце богатырское,
 Схватилъ съ головушки **шляпку земли греческой**,
 И ляпнул онъ въ Идолище поганое,
 И разсыкъ онъ Идолище на полы» (Рыбников; т. 1: 35, № 6).

Постоянный эпитет, указывающий на принадлежность к земле греческой, олицетворяет христианство. Магическую сверхмощь *шляпы/шапки/колпака земли греческой* как поэтического символа христианства ученые (В. Я. Пропп, Б. Н. Путилов, А. А. Горелов) объясняют верованиями восточного славянства: «шапка священнослужителя, пришедшая на Русь вместе с христианством из Византии, обладает особой силой в борьбе со змеем, воплощающим языческую старину» [Путилов: 395] (ср.: [Горелов: 116]).

Устойчивое словосочетание **чисто поле**, употребляющееся в разных жанрах фольклора, в поэтике былины изменило традиционное значение — это просторы всей Русской земли или значительной ее части, мир, открытый для подвигов, место сражений и поединков богатырей, «промежуточный мир, в пределах которого герой и его противник равны друг перед другом и перед судьбой» [Колесов: 231].

«Онъ повѣтъхалъ въ **раздольище чисто поле**,
 Посмотрѣлъ на силушку поганого:
 Нагнано-то силушки чернымъ черно,
 Чернымъ черно, какъ чернаго ворона <...>
 Бьетъ онъ эту силушку, какъ траву косить...»
 (Рыбников; т. 1: 40, № 7).

Этот же эпитет в словосочетании **чисто** серебро обозначает серебро без примесей, входит в фольклорную формулу «красно золото, чисто серебро и скатен жемчуг/каменья драгоценные», выражающую красоту и богатство. Эта формула представляет эталон даров, включающих благородные металлы и драгоценные камни, что придает «эпическую нарядность, яркость, блеск предметному миру былин» [Селиванов, 1977: 112].

*«Насынай ты пёрвѹ мису **крáсна золота**,
Насынай ты вто́ру мису **циста сэребра**,
Насынай-ко третью мису **скатна жемцѹга**; —
А пойдѣмъ-то вѣдь къ царю да всё съ подарками...»¹⁸;
«Подавал он чашу **красна золота**
А солнышку Владимиру стольне-киевскому,
А другую подавал он **чиста серебра**
Только душечки княгины он Опраксии,
А третью подавал он **скатня жемчуга**
Молодой Забавы Путятичной.
Да еще подавал он камочку крущатую»
(Гильфердинг; т. 3: 25, № 199).*

В поэтике былины эпитет **яровчатые**¹⁹, характеризующий гусли, изменил свое первоначальное значение — это музыкальный инструмент, игра на котором способна оказывать магическое воздействие на природу и людей. Можно предположить, что в слове **яровчатый** выделяется корень -яр- (ср.: **ярый**²⁰, **ярость**).

*«А й как начал играть он во **гусли** во **яровчатых**,
А играл с утра как день топерь до вечера.
А й по вечерѹ как по позднему
А й волна уж в озерѣ как сходиласе,
А как ведь вода с песком топерь смутиласе <...>
А й как начал играть Садке как во **гусли** во **яровчатых**,
А как начал плясать царь Морской топерь в синем мори.
А от него сколебалосе все сине море*

¹⁸ Беломорские былины, записанные А. Марковым. № 3. С. 48.

¹⁹ В названии **яровчаты** отмечена перестановка согласных — метатеза. Первонач. *сделанные из явора* (вид клена) (Фасмер; т. 4: 541).

²⁰ Ярый (общеслав.). Первонач. значение — «весенний, теплый, горячий <...>»; далее развитие значения пошло, во-первых, в сторону «искрящийся, ясный» (ср. **яркий**), во-вторых, в сторону «гневный, суровый» (Шанский: 525).

*А и было пированье-почестной пир,
Было столованье-почестной стол*

(Кириша Данилов: 67–68, № 11).

С корнем *-чест-* используются и другие постоянные эпитеты: *честные подарки*, *честна вдова многоразумная*. Известно, что в эпосе наиболее почетный и высокий статус среди женщин имеет мать богатыря и так называемая «матерая вдова», т. е. «имеющая детей мужского пола, рожденных в законном браке, но потерявшая мужа и в силу этого обстоятельства одна воспитывающая детей. Как правило, в эпосе к таким женщинам относится эпитет "честная" (вдова) "многоразумная"» [Козловский: 200].

Названия еды и питья с постоянными эпитетами *еств(-ушк-)а сахарные*, *пить-я(-ица) медвяные*²¹ входят в фольклорную формулу, представляющую эталон угощения приятной едой и медовым хмельным напитком:

*«Понесли ества сахарные и питья медвяныя,
А питья все заморския»* (Кириша Данилов: 131, № 20);
*«Тут кормили его ествушкой сахарною,
А й поили питьицем медвяным»*

(Гильфердинг; т. 2: 39, № 76).

При характеристике алкогольных напитков употребляют разные постоянные эпитеты: *пиво пьяное/хмельное, зелено вино* (в значении *молодое*), среди которых выделяется эпитет *сладкий*, имеющий положительную оценку: *мёд сладкий, сладка водочка* (оксюморон).

*«Наливали ему чару зелена вина,
Наливали ему другу пива пьянаго,
Наливали ему третью мёду сладкаго...»*

(Гильфердинг; т. 1: 387, № 41).

Часто применяемая в сочетаниях с постоянными эпитетами инверсия усиливает значение эпитета, который выделяет признак, точно характеризующий определяемое слово и поэтически закрепивший этот признак за ним.

²¹ Медвяный — медовый, с медом, или на меду сделанный; сладкий (Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 2000. Т. 2. С. 313).

Таким образом, семантика словосочетаний с постоянными эпитетами — сложное синкретическое единство традиционных смыслов, которые участвуют в создании образов Святой Руси, действующих лиц, относящихся в большинстве случаев к «своему» миру (богатырей, князя Владимира и др.), и предметно-образной системы «своего» эпического мира в целом. Они характеризуют место действия, основные события, значимые для былинной картины мира. Постоянные эпитеты, являющиеся средством репрезентации свойственных им традиционных культурных смыслов (концептов), в поэтике былины обогащаются новым, в том числе аксиологическим значением: приобретают семантику положительной (при характеристике «своего мира») или отрицательной (при характеристике врагов) оценки. В постоянных эпитетах, являющихся носителями и проводниками таких традиционных культурных смыслов, как прославление и воспевание красоты, величия русских городов, олицетворяющих Русскую землю и Святую Русь, и ее защитников — богатырей, нашли отражение вековые идеалы и ценности русского народа.

Список литературы

1. Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка. М.: Просвещение, 1992. 511 с.
2. Веселовский А. Н. Из истории эпитета // Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. С. 59–75.
3. Воскресенский В. А. Особенности русского народного языка // Семья и школа. СПб., 1879. № 5. Кн. II. С. 349–355.
4. Горелов А. А. «Шляпа Земли Греческой» в былинах // Русская литература. СПб.: Наука, 2002. № 1. С. 109–117.
5. Евгеньева А. П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX вв. М.; Л.: АН СССР, 1963. 348 с.
6. Климас И. С. В синем море было чудище поганое (поганый в эпических жанрах фольклора) // Лингвофольклористика. Курск: Изд-во Курск. гос. ун-та, 2017. Вып. 26. С. 10–17. EDN: YSOJYP
7. Козловский С. В. История и старина: мировосприятие, социальная практика, мотивация действующих лиц. Ижевск: Ижевская ГСХА, 2009. 354 с.
8. Колесов В. В. Древняя Русь: наследие в слове. СПб.: СПбГУ, 2000. 326 с. Кн. 1: Мир человека. (Сер.: Филология и культура.)

9. Миклошич Фр. Изобразительные средства славянского эпоса // Древности. Труды славянской комиссии Императорского Московского археологического общества. М.: Тип. Э. Лиснера и Ю. Романа, 1895. Т. 1. С. 205–229.
10. Никитина С. Е. Устная народная культура и языковое сознание. М.: Наука, 1993. 189 с.
11. Первов П. Д. Эпитеты в русских былинах // Филологические записки. 1901. Вып. 6. С. 1–47.
12. Петенева З. М. О специфике фольклорного эпитета // Русский язык в школе. 1989. № 4. С. 76–81.
13. Потебня А. А. Из записок по теории словесности. Харьков: Изд-е М. В. Потебни, 1905. 652 с.
14. Пропп В. Я. Русский героический эпос. 2-е изд., испр. М.: ГИХЛ, 1958. 603 с.
15. [Путилов Б. Н.] Русская народная поэзия: эпическая поэзия / сост., подгот. текста, вступ. ст., предисл. к разделам и коммент. Б. Н. Путилова. Л.: Худож. лит., 1984. 440 с.
16. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: Наука, 1987. 782 с.
17. Селиванов Ф. М. Эпитет // Селиванов Ф. М. Поэтика былин. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. С. 100–118.
18. Селиванов Ф. М. Эпитеты былинного города Киева // Селиванов Ф. М. Поэтика былин в историко-филологическом освещении (композиция, художественный мир, особенности языка). М.: Кругъ, 2009. С. 267–286.
19. Скафтымов А. П. Поэтика и генезис былин. М.; Саратов: Книгоизд-во В. З. Яксанова, 1924. 226 с.
20. Ухов П. Д. Постоянные эпитеты в былинах как средство типизации и создания образа // Основные проблемы эпоса восточных славян. М.: АН СССР, 1958. С. 158–171.
21. Шестеркина Н. В. Соотношение концептов 'светлый' — 'святой' в русском языке // Linguamobilis. 2010. № 3. С. 103–108 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-kontseptov-svetlyy-svyatoy-v-russkom-yazyke/viewer> (10.04.2024). EDN: MSYBCH

References

1. Buslaev F. I. *Prepodavanie otechestvennogo yazyka* [Teaching the Native Language]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1992. 511 p. (In Russ.)
2. Veselovskiy A. N. From the History of the Epithet. In: *Veselovskiy A. N. Istoricheskaya poetika* [Veselovsky A. N. Historical Poetics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1989, pp. 59–75. (In Russ.)
3. Voskresenskiy V. A. Features of the Russian Folk Language. In: *Sem'ya i shkola* [Family and School]. St. Petersburg, 1879, no. 5, book 2, pp. 349–355. (In Russ.)
4. Gorelov A. A. “The Hat of the Greek Land” in Epic Tales (Bylinas). In: *Russkaya literatura*. St. Petersburg, Nauka Publ., 2002, no. 1, pp. 109–117. (In Russ.)
5. Evgen'eva A. P. *Ocherki po yazyku russkoy ustnoy poezii v zapisyakh XVII–XX vv.* [Essays on the Language of Russian Oral Poetry in the Written Sources of the 17th–20th Centuries]. Moscow, Leningrad, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1963. 348 p. (In Russ.)
6. Klimas I. S. In the Blue Sea There Was a Nasty Monster (‘Filthy’ in the Epic Genres of Folklore). In: *Lingvofol'kloristika* [Linguistic Folkloristics]. Kursk, Kursk State University Publ., 2017, issue 26, pp. 10–17. EDN: YSOJYP (In Russ.)
7. Kozlovskiy S. V. *Istoriya i starina: mirovospriyatie, sotsial'naya praktika, motivatsiya deystvuyushchikh lits* [History and Antiquity: Worldview, Social Practice, Motivation of Characters]. Izhevsk, Izhevsk State Agricultural Academy Publ., 2009. 354 p. (In Russ.)
8. Kolesov V. V. *Drevnyaya Rus': nasledie v slove* [Ancient Rus': Heritage in a Word]. St. Petersburg, St. Petersburg State University Publ., 2000, book 1: Human World. 326 p. (Ser.: Philology and Culture.) (In Russ.)
9. Mikloshich Fr. Visual Means of the Slavic Epic. In: *Drevnosti. Trudy slavyanskoy komissii Imperatorskogo Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva* [Antiquities. Proceedings of the Slavic Commission of the Imperial Moscow Archaeological Society]. Moscow, Tipografiya E. Lissnera i Y. Romana Publ., 1895, vol. 1, pp. 205–229. (In Russ.)
10. Nikitina S. E. *Ustnaya narodnaya kul'tura i yazykovoe soznanie* [Oral Folk Culture and Linguistic Consciousness]. Moscow, Nauka Publ., 1993. 189 p. (In Russ.)
11. Pervov P. D. Epithets in Russian Epics. In: *Filologicheskie zapiski* [Philological Notes], 1901, issue 6, pp. 1–47. (In Russ.)
12. Peteneva Z. M. On the Specifics of the Folklore Epithet. In: *Russkiy yazyk v shkole* [The Russian Language at School], 1989, no. 4, pp. 76–81. (In Russ.)
13. Potebnya A. A. *Iz zapisok po teorii slovesnosti* [From Notes on the Theory of Literature]. Kharkov, Izdanie M. V. Potebni Publ., 1905. 652 p. (In Russ.)
14. Propp V. Ya. *Russkiy geroicheskiy epos* [Russian Heroic Epic]. Moscow, Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoy literatury Publ., 1958. 603 p. (In Russ.)

15. Putilov B. N. *Russkaya narodnaya poeziya: epicheskaya poeziya* [Russian Folk Poetry: Epic Poetry]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura Publ., 1984. 440 p. (In Russ.)
16. Rybakov B. A. *Yazychestvo Drevney Rusi* [Paganism of Ancient Rus']. Moscow, Nauka Publ., 1987. 782 p. (In Russ.)
17. Selivanov F. M. Epithet. In: *Selivanov F. M. Poetika bylin* [Selivanov F. M. Poetics of Epics]. Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 1977, pp. 100–118. (In Russ.)
18. Selivanov F. M. Epithets of the Epic City of Kiev. In: *Selivanov F. M. Poetika bylin v istoriko-filologicheskom osveshchenii (kompozitsiya, khudozhestvennyy mir, osobennosti yazyka)* [Selivanov F. M. Poetics of Epics in Historical and Philological Coverage (Composition, Art World, Language Features)]. Moscow, Krug Publ., 2009, pp. 267–286. (In Russ.)
19. Skaftymov A. P. *Poetika i genezis bylin* [Poetics and Genesis of Epics]. Moscow, Saratov, Publishing House of V. Yaksanov Publ., 1924. 226 p. (In Russ.)
20. Ukhov P. D. The Fixed Epithets in Epics as a Means of Typifying and Creating an Image. In: *Osnovnye problemy eposa vostochnykh slavyan* [The Main Problems of the Epic of the Eastern Slavs]. Moscow, The Academy of Sciences of the USSR Publ., 1958, pp. 158–171. (In Russ.)
21. Shesterkina N. V. The Relationship of the Concepts ‘Light’ — ‘Holy’ in the Russian Language. In: *Lingua Mobilis*, 2010, no. 3, pp. 103–108. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sootnoshenie-kontseptov-svetlyy-svyatoy-v-russkom-yazyke/viewer> (accessed on April 10, 2024). EDN: MSYBCH (In Russ.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Черноусова Ирина Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы Института филологии, Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского (ул. Ленина, 42/1, г. Липецк, Российская Федерация, 398020); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5797-9561>; e-mail: ira.chernousova2010@yandex.ru

Irina P. Chernousova, PhD (Philology), Professor of the Department of Russian Language and Literature of the Institute of Philology, Lipetsk State Pedagogical University Named After P. P. Semenov-Tyan-Shansky (ul. Lenina 42/1, Lipetsk, 398020, Russian Federation); ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-5797-9561>; e-mail: ira.chernousova2010@yandex.ru

Поступила в редакцию / Received 17.05.2024

Поступила после рецензирования и доработки / Revised 15.07.2024

Принята к публикации / Accepted 20.07.2024

Дата публикации / Date of publication 10.09.2024